

Ф. Х. ГУТНОВ

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПРЕДМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Социальные процессы начала II-го тысячелетия н.э. у некоторых этносов Северного Кавказа привели к формированию феодальных обществ. При этом основной слой знати состоял из военной элиты, т.к. военно-управленческая функция оставалась главным путем к власти.

Алания XI в. предстает мощным государством, проводившим активную внешнюю политику. По свидетельству дореволюционного автора З. Чичинадзе, царь алан Урдур¹, возглавивший страну в 1019 г., серьезно укрепил верховную власть, упрочив тем самым и мощь государства. Грузинский исследователь, ссылаясь на ранние свидетельства, писал: «Это достойный народ. Они любят родниться и любят своих родственников, умеют хранить дружбу, познавать врагов. Осетины не лживы, не изменники, никогда никого не подводят, любят поддерживать соседство, хлебосольны, хорошо умеют править страной, отличные воины, прекрасно владеют оружием, в бою едины и помогают друг другу, умеют хорошо расставить свои силы во время боя... Умеют строить отличные башни, крепости, замки, мосты, переправы, все, что необходимо в войнах. Прекрасно умеют строить церкви и изготавливать церковную утварь. Знают ремесла, сапожничать, умеют кузнечить, плотничать, столярить, изготавливать посуду, шить, знают ювелирное дело, делают всякое оружие, все оснащение воина. У них развито коневодство, они любят джигитовать..., веселье, танцы и прочее. Во время несчастья все принимают большое соучастие... Осетины занимаются земледелием, возделывают пшеницу, ячмень и прочее, выращивают прекрасные фрукты. У них всегда обильные урожаи. Исключительно высоко почитание старших, особенно стариков» (ЧИЧИНАДЗЕ 1993, с. 96).

Согласно «Хронике Картли», в начале XI в. «осетинский царь (*Ovst'a mer'e*) Урдур был убит в бою кахетинским царем Квирике III, который в 1029 г. ... в свою очередь был убит из мести во время охоты у горы Пи-

дрази рабом осетин» (АЛЕМАНЬ 2003, с. 416–417; см. также: *Алано-Георгика* 1993. № 1, с. 175–176).

Своего расцвета Алания достигла в период правления царя Дургулеля Великого², крупной политической фигуры, сыгравшей большую роль в истории Кавказа и Ближнего Востока. О его реальной военно-политической мощи свидетельствуют династические браки с правящими дворами сильных христианских государств. Сестра Дургулеля Борена³ вышла замуж за грузинского царя Баграта IV (1027–1072 гг.). Их дочь Мария вступила в брак с византийским императором Михаилом VII Дукой (1071–1078 гг.). Дочь Дургулеля Великого, Ирину, Михаил VII выдал замуж за знатного патриция Исаака Комнина, брата будущего императора Алексия (1081–1118 гг.), а на двоюродной сестре Ирины женился правитель Трапезунда Григорий Гавр (КУЛАКОВСКИЙ, 2000, с. 137–138). Византийские источники Ирину Аланскую называют «василиссой» (императрицей). Это указывает на высочайший социальный статус и политический вес ее отца – аланского царя Дургулеля, что отметил М. В. Бибиков: «Речь идет о самостоятельном государстве, равноправном с империей ромеев: византийскому василевсу соответствует аланская василисса» (см.: БИБИКОВ 1982; 1999).

Здесь же отметим, что сводный брат Баграта Деметрэ (сын отца Баграта – Георгия I – и аланки Альды⁴), опираясь на крупных грузинских феодалов и Византию, попытался захватить престол Грузии. Женившись на сестре Дургулеля Великого, Баграт решил две важные задачи: 1) получил возможность в необходимом случае использовать войско алан; 2) лишил Деметрэ поддержки царя Алании (ТОГОШВИЛИ 1988, с. 186).

Дургулель неоднократно помогал своим новым родственникам в их борьбе с противниками. В 60-х гг. XI в. Грузию потрясли набеги сельджуков. Согласно «Картлис цховреба», со времени нашествия Мервана Глухого Картли не испытывала подобного разгрома: «от множества трупов не касался взгляд человеческий тверди земной» (ГУТНОВ 1994, с. 31). По свидетельству мусульманских источников, «в 1062 г. пропущенные через Дарьяльский проход-ворота аланы опустошили Арран и угнали 20 тысяч пленных». В 1065 г. совместно с грузинскими воинами аланы вновь вторглись во владения Шаддадидов и дошли до Аракса. Наконец, в 1068 г. Баграт IV позвал «своего шурина – царя овсов Дургулеля, который был во главе сорокатысячного войска ... овсы разорили владения Фадлона и возвратились с большой добычей» (АНЧАБАДЗЕ 1990, с. 81; см. также *Алано-Георгика* 1993, с. 175–177).

В последнем случае определенное сомнение вызывает численность аланского войска. Как установлено, X–XII вв. являются пиком наиболь-

шего могущества Алании. Ее правители в случае необходимости собирали крупные военные силы. Вспомним хотя бы сообщение Масуди о возможности царя алан выставить 30 000 всадников. По мнению Г. З. Анчабадзе, в случае с походом 1068 г. такой необходимости не было. По мнению грузинского ученого, аланская знать шла в Закавказье за добычей; ей «незачем было делить ее с рядовыми общинниками, составлявшими основу всеобщего ополчения». Более веским аргументом представляется проблема продовольствия для воинов и фуража для лошадей. Для Грузии, разоренной сельджуками, обеспечение большого войска всем необходимым являлось непосильной задачей. В походе на Арран скорее всего участвовала дружина Дургулеля, усиленная небольшими отрядами аланской знати. Письменные и археологические данные показывают, что это была превосходная конница, вооруженная саблями, секирами и луками. Войнство Дургулеля представляло собой «грозную боевую силу», даже если численность воинов уступала цифре, указанной в «Летописи Картли» (Анчабадзе 1990, с. 81–82).

Вскоре после похода 1068 г. в Арран царь Алании *«через Абхазию»* отправился в Грузию, *«чтобы погостить у царя Баграта и царицы, сестры своей Борены. С ним вместе прибыли все князья (курсив мой – Ф.Г.) Овсети»* (Джанашвили 1897, с. 33).

Высокий статус царя алан подтверждается и византийскими памятниками. В отдельных случаях такая оценка приводилась авторами, крайне негативно относившимися к аланам. Например, Михаил Пселл в разделе о периоде правления Константина IX Мономаха привел интересный рассказ о любви императора к некоей девице, *«которая... жила у нас как заложница из Алании. Царство это – не очень-то важное и предоставляет Ромейской державе залогов верности. Девица, дочь тамошнего царя, красотой не отличалась (курсив мой – Ф.Г.)*, заботами о себе не была избалована и украшена только двумя прелестями: белоснежной кожей и прекрасными лучистыми глазами. Тем не менее царь сразу же пленился ею, забыл думать о других своих пристрастиях, у нее одной проводил время и пылал к ней любовью.

Пока царица Зоя была жива, он не очень-то проявлял свои чувства..., но когда Зоя умерла, он раздул пламя любви, распалил страсть и разве что не соорудил брачный чертог и не ввел туда возлюбленную, как жену. Преображение этой женщины было мгновенным и удивительным: ее голову увенчало невиданное украшение, шея засверкала золотом, руки обвили змейки золотых браслетов, на ушах повисли тяжелые жемчужины и золотая цепь с жемчугами украсила и расцветила ее пояс. И была она настоящим Протеем, меняющим свой облик.

Хотел Константин и увенчать ее царской короной, но опасался двух вещей: закона, ограничивающего число браков, и царицы Феодоры, которая не стала бы терпеть такого бремени и не согласилась бы одновременно быть и царицей, и подданной. Поэтому-то он и не сподобил возлюбленную царских отличий, однако удостоил звания, нарек *севастой*⁵ (курсив мой – Ф.Г.), определил ей царскую стражу, распахнул настежь двери ее желаний и излил на нее текущие золотом реки, потоки изобилия и целые моря роскоши. И снова все расточалось и проматывалось: часть растрачивалась в стенах города, часть отправлялась к варварам, и впервые тогда аланская земля наводнилась богатствами из нашего Рима, ибо одни за другими исправно приходили и уходили груженые суда, увозя ценности, коими издавна вызывало к себе зависть Ромейское царство... дважды, а то и трижды в год, когда к юной севасте приезжали из Алании слуги ее отца, самодержец публично показывал им ее, провозглашал ее своей супругой, именовал царицей, при этом и сам преподносил им подарки, и своей прекрасной жене велел их одаривать» (Пселл 1978, с. 116–117).

Михаил Пселл, судя по тону его описания, тенденциозно подходил к оценке роли алан в византийских делах XI в. С середины столетия начинается блистательная военно-политическая деятельность царя алан Дургулеля Великого. Его услугами охотно пользовались императоры Михаил VII Дука и Никифор Вотаниант. Очевидно, Византия сильно нуждалась в военной помощи со стороны алан. Вероятно, и этим объясняется «увлеченность» византийского императора юной дочерью царя алан. Конечно, Константин IX Мономах мог «увлечься» красивой аланкой. Но в том-то и дело, что она «красотой не отличалась», как отмечал сам Пселл. Тем не менее, император максимально приблизил ее к себе и всячески ублажал. Очевидно, союз с нею и «богатые подарки» аланам объективно служили интересам Византии. Не случайно в период правления Константина IX Мономаха в армии империи важное место принадлежало аланским дружинам⁶. Например, в походе на Двин участвовал отряд магистра Константина Аланского. «Магистр» – высший византийский титул, присваивавшийся членам неимператорских фамилий.

Умер Дургулель Великий в конце XI в. Точное место его захоронения пока неизвестно. Скорее всего он был погребен в каком-либо пышном мавзолее, соответствующем положению и статусу царя. В этой связи интересна гипотеза В.А. Кузнецова, связавшего захоронение в царском мавзолее на Кяфарском городище с Дургулелем. Стены мавзолея сложены из 9 прекрасно отесанных плит, сплошь покрытых рельефными сюжетными изображениями, что в совокупности с конструкцией делает склеп уникальным. Столь монументального могильного сооружения в средне-

вековых древностях Кавказа больше нет. Комментируя изображения склепа, В.А. Кузнецов пишет: «Это символическая характеристика деяний покойного царя... Не трудно заметить, что в образах скрыта целая концепция средневековой феодально-рыцарской этики... Широкое и обильное застолье с дружиной и приближенными, местными и заморскими гостями, культ силы и личной доблести, удачных набегов и военных мероприятий, и, наконец, духовное смирение перед всевышним и церковью» – это те нормы и идеалы, которые пронизывали всю жизнь феодальной аристократии. «Семантика рельефов мавзолея соответствует идеологии» феодальной элиты; «взятая в целом, она, очевидно, была направлена на прославление деяний захороненного в мавзолее героя – царя Алании» (Кузнецов 1988; Гутнов 1994).

Еще один эксусиократор алан по имени Росмик в источниках предстает союзником Алексея Комнина. Во время второго норманнского вторжения в 1107–1108 гг. викинги во главе с Боэмундом Антиохийским атаковали горные перевалы, охранявшиеся византийцами. Стратиг Кантакузин, занявший оборонительную позицию на равнине у р. Харзан, столкнулся с воинами Гвидо, брата Боэмунда. «Солнце еще не поднялось из-за горизонта, а Кантакузин, облачившись в доспехи и вооружив все войско, занял место перед серединой боевого порядка; слева от него были турки, а алан Росмик, возглавлявший своих соотечественников, командовал правым флангом». В критический момент сражения Кантакузин «приказал эксусиократору Росмику, державшему правый фланг со своими войсками (это были воинственные аланы), вступить в бой с кельтами. Однако после его яростной атаки стало ясно, что и он отступает, хотя, словно *лев рычал* (курсив мой – Ф.Г.) на кельтов»⁷ (Алемань 2003, с. 282).

Никита Хониат к числу первых задач, стоявших перед Исааком II Ангелом (1185–1195), также отнес борьбу с норманнами, незадолго до воцарения Исаака II захватившими второй по значимости город империи – Фессалонику. 7 ноября 1185 г. полководец Алексей Врана разбил викингов на р. Струма. Врана практически перекрыл отход северян на корабли; поэтому «многие из них, не найдя своих кораблей, были достигнуты в смятении блуждающими у предместий Фессалоники и погибли различным образом, более всего от рук аланских наемников. Ибо последние, верша мечь за причиненное теми зло, когда была ими захвачена Фессалоника, не щадили никого из врагов, но наполнили улицы и притворы храмов их мертвыми телами. Вопрошая захваченных ими сицилийцев, где же их брат, то есть аланский их соотечественник, которого те убили при захвате города, (аланы) с этими словами поражали их своими мечами» (*там же*,

с. 311–312). Присутствие алан в Фессалонике подтверждает и Евстафий: «среди жителей там было много аланов» (*там же*, с. 312).

Судя по византийским памятникам, Врана имел какое-то отношение к аланам. Во всяком случае, именно он командовал аланским корпусом в битве при Филиппополе в конце августа 1189 г., где сошлись армии Исаака II Ангела и германского императора Фридриха I Барбароссы: «вступив в бой, почти все эти аланы – которыми предводительствовал Феодор, сын Алексея Враны – погибли, будучи *первыми* и *единственными*, кто *сражался* (курсив мой – Ф.Г.) против германцев, тогда как ромеи в страхе постыдно бежали, не смея даже взглянуть врагу в лицо».

Помимо «царей» Алании, источники сохранили и другую титулатуру элиты алан. Анна Комнина в «Алексиаде», фактически являющейся продолжением исторического труда ее мужа, Никифора Вриенния, в сюжете о борьбе за престол в Константинополе упомянула «магистра алан». Причем, он издавна был близок к императору и считался среди его родственников. Аланский аристократ упомянут в сюжете о заговоре славян Ворила и Германа, стремившихся «избавиться от своих политических соперников, братьев Комнинов, Алексея и Исаака». Еще раньше те же Ворил и Герман участвовали в «заговоре против дуки Иллирии Георгия Мономаха», который «был предупрежден каким-то своим другом, названным аланом Иоанном» (*там же*, с. 280).

Интересен еще один фрагмент из истории связей алано-византийских элит. Исаак Комнин одну из трех своих дочерей обещал «в жены сыну автономного *стратега* Трапезунда Феодора Гавры, и последний доверил ему опекунство над мальчиком, еще ребенком, до дня свадьбы». После кончины жены Феодор взял вторую жену, «аланку *благороднейшего происхождения* (курсив мой – Ф.Г.). Но оказалось, что жена севастократора (Исаака) и женщина, на которой женился Гавра, были двоюродными сестрами». Как только это стало известно, помолвка была расторгнута, ибо «как законы, так и церковные каноны» препятствовали браку детей (*там же*, с. 281).

Внимание специалистов привлекла судьба Марии (Мариам) Аланской, дочери царя Грузии Баграта IV и Борены – сестры царя Алании Дургулея Великого. «Мария во время визита иверского царя в Константинополь была затребована императрицей Феодорой (1045–1056 гг.) и удочерена ею». После смерти императрицы «грузинская заложница вернулась на родину». Однако в 1065 г. ее выдали замуж за сына Константина X Дуки (1059–1067 гг.), будущего императора Михаила VII Дуку. С приходом к власти Никифора III Вотаниата Мария, принявшая монашеское имя Марта (Марфа), вновь оказалась при дворе в качестве импера-

трицы. С. Н. Малахов в результате анализа письменных источников и родословной Марии пришел к выводу о том, что некоторые авторы (как древние, так и современные) при определении этнического происхождения Марии исходили из факта ее рождения в Иверии и грузинского происхождения ее отца. В то же время «родственные связи Марии по материнской линии с аланской династией византийцами также не забывались» (МАЛАХОВ 1995, с. 378–379).

А. Алемань, комментируя сюжет из труда Анны Комниной, отмечает: «императрица Мария Аланская была аланкой только по своей матери, поскольку являлась дочерью грузинского царя Баграта IV и принцессы Борены, сестры осетинского царя Дургулея» (АЛЕМАНЬ 2003, с. 280). Хронист Иоанн Зонара, напротив, пишет, что Мария происходила из алан.

Иоанн Скилица в завершенной в конце XI в. хронике отметил: в 1078 г. «ввиду продвижения войска Никифора Вотаниата, который объявил себя императором вместо Михаила VII Дуки, в Константинополе вспыхнуло восстание». Михаил, бежавший во Влахернский дворец с «августой Марией Аланской» и сыном Константином, были низложены. Его вынудили принять монашество в Студийском монастыре, «куда был доставлен на жалкой кляче». Позднее Никифор после смерти жены Вердены, «взял другую жену. Многие были предложены ему для бракосочетания: Зоя, дочь василевса Дуки, которая была девочкой прекрасной наружности, и также много сенаторских дочерей брачного возраста. Но предпочел он одну из следующих: либо жену (Константина) Дуки и после (Романа) Диогена, Евгению, либо жену прежнего императора Михаила, Марию Аланскую». В конечном итоге император «взял в жены Марию» (*там же*, с. 296–297).

Большинство этапов жизни Марии уже известны; «однако, – подчеркивает А. Микаберидзе, – еще недавно не было известно, где эта знаменитая византийская императрица закончила свою жизнь». В ходе раскопок на юге Родопов в Тразии (Trasien) на горе «Папикион» греческий археолог Н. Цикос исследовал территорию ранее практически неизвестного византийского монастыря. Среди «монашеских и семейных погребений» найдена «одна почти пустая гробница, в которой вместо останков лежал золотой перстень с печатью, содержащий греческую надпись *МАРФА БОТАНИАТИНА*». Греческий ученый высказал гипотезу об изначальной принадлежности могилы императрице Марии. А. Микаберидзе развил эту идею, обратив внимание на фрагмент настенной живописи центрального входа *in Nartex* главной кирхи. Здесь нарисованы две аристократические фигуры – «женщина с ребенком, одетые в императорские одежды». Грузинский исследователь предположил, что женщина и ребен-

нок «причислены к ктиторах монастыря, и что они, весьма вероятно, – императрица Мария и ее сын Константин» (MIKABERIDSE 1996. S. 88–90).

Эта интересная гипотеза требует дальнейших исследований. Принадлежность гробницы Марии остается дискуссионной, что понимает и сам А. Микаберидзе (*Op. cit.* S. 90).

По мнению С. Н. Малахова, этникон «аланка», историографической традицией закрепленный за Марией, «не следует рассматривать ни как безусловное доказательство» смешения иверов, авасгов и алан, бывшим будто бы обыденным делом в византийской литературе, «ни как навязчивую ошибку византийских источников». Исследователь присоединился к компромиссному варианту Г. В. Цулая (1984, с. 197–198), объяснившего рассматриваемую дилемму существовавшим в ту пору конфессионально-политическим единством между Аланией и Грузией. Помимо этого, Мария, очевидно, «не забывала своих аланских родственников. Можно даже предположить, что немногочисленное окружение Марии в большинстве своем было представлено именно аланами». Вспомним хотя бы «магистра» алан из числа «домашних» (наиболее доверенных лиц) Никифора Вотаниата. «Напротив, иверов в ее окружении фактически не было» (МАЛАХОВ 1995, с. 379). Анна Комнина писала по этому поводу: Мария сделала приемным сыном Алексея Комнина, а его брата Исаака свойственником в большей мере из-за того, «что она находилась на чужбине и не имела при себе *ни родственника, ни друга, ни соотечественника* (курсив мой – Ф.Г.)» (АННА КОМНИНА 1965, с. 116).

По справедливому замечанию С. Н. Малахова, подобное объяснение не следует понимать буквально. Мария, став духовной матерью Алексея, надеялась упрочить свое положение в столице и получить гарантии личной безопасности. Интересно, что пойти на этот шаг императрице посоветовали «слуги женских покоев». Укреплению позиций Марии содействовал брак ее двоюродной сестры Ирины с Алексеем (АННА КОМНИНА 1965, с. 91; МАЛАХОВ 1995, с. 379).

Высказывалось мнение, согласно которому духовное родство в ту эпоху считалось более прочным и важным, чем кровное. Однако с конца XI в. *только члены правящей семьи*, самые близкие к трону, могли рассчитывать на успех в борьбе за власть. Не случайно современники сохраняли традиционное отношение (подчеркнуто *Н.Ч.*) к императорам как гарантам преуспевания всего общества, порицая стремление государей соединить символ высшей власти с ее носителем. Это основная причина, почему генеалогическая традиция в византийском обществе конца XI – начала XIII в. складывается как политическая реальность, но не находит отражения в исторической литературе» (ЧЕСНОКОВА 2004, с. 197).

В дискуссии об этнической принадлежности Ирины последнюю точку поставил С. Н. Малахов, обративший внимание на ее биографические данные. Последние приведены в речи Никифора Василага, посвященной Адриану (Иоанну) Комнину, сыну Ирины и Исаака. Византийский ритор восхищался родословной своего героя и привел генеалогию его матери (МАЛАХОВ 1995, с. 380). А. Алемань Адриана назвал отпрыском «двух блистательных царских домов». Расхваливая мать Адриана, Василаг дает не менее лестную оценку аланам. По словам Никифора, Ирина Аланская затмила красотой всех женщин Кавказа: «что может заслуживать большего восхищения, величие ее народа или знатность ее происхождения? Ее народ – аланы; мать Адриана – их царица; и как подобает аланам, древнего богатства. Там, у подножья высокого Кавказа, пасутся стада многих племен этого великого народа, который я бы назвал паствой Христовой, цветом скифов и первым плодом Кавказа. Они самый воинственный народ среди кавказцев; если ты согласишься на их множество, то найдешь отвагу, которой нет нигде более; если ты заметишь их доблесть в бою, то ни во что не поставишь мириад врагов» (АЛЕМАНЬ 2003, с. 305).

Никифор Вриенний прямо указал на то, что Ирина приходилась дочерью царю алан. «Царь Михаил... женатый сперва на Марии, дочери независимого Правителя Иверии, он племянницу ея, Ирину, дочь Аланского владетеля, выдал в замужество за старшего сына Куропалатиссы, Исаака» (НИКИФОР ВРИЕННИЙ 1858, с. 51–52).

Алания первых веков II-го тысячелетия, как не раз отмечали исследователи, переживала «период как раз наибольшего расцвета своей культуры и военного могущества». К этому времени относят оформление «раннефеодальной государственности у алан»⁸ (БИБИКОВ 1999, с. 288–289).

Социальная структура аланского общества той поры нашла отражение как в иноязычной титулатуре (византийской, арабской, древнеармянской, древнегрузинской и др. титулатуре, применяемой в отношении алан), так и в терминах местной среды. Неоднократно обращалось внимание на титул *багатар*. Им изначально обозначалась элита военной аристократии, а после оформления аланского государства и *цари*. Тем самым подчеркивалась связь царей с высшим слоем военной знати. Из последних примеров анализа содержания титула *багатар* приведем в качестве примера работы двух авторов.

А. Алемань отсылает к известному сюжету Ибн-Рустэ: «царь алан называется *B.gay.r*, это имя прилагается к каждому из их царей». Каталонский ученый привел примеры использования данного социального термина в древнегрузинских летописях (*Bagat'ar V* в. н.э. изображен как

враг царя Вахтанга Горгасала; в событиях конца IX в. Багатар предстает в качестве противника абхазского царя Баграта I; еще один носитель данного титула в грузинских памятниках отмечен как «царь» алан, погибший в 1306 г. (ALEMANY 2002, P. 78). В широко известную исследователям Зеленчукскую надпись – своего рода генеалогическую таблицу – включен и *Багатар*. В монгольских и китайских источниках несколько раз упоминается *Badur/Baduer*. Египетские хронисты выделяют *Alan Mamluk*, знаменитого правителя в Сирии, носившего имя *Сайф ал-Дин Багадур Аса*. Наконец, в Венгрии в списке 1550 г. упомянуты *Bogator Orban* и *Bagator Sebesken* (ALEMANY 2002, P. 78–79). Отметим также предложенную А. Алеманем гипотезу о социальной составляющей двух элементов Зеленчукской надписи – *Bagatar* и *Anbalan*.

Вторая недавняя работа, в которой анализируется титулатура алан средневековья, принадлежит перу филолога, возглавляющего кафедру ЮНЕСКО в Северо-Осетинском государственном педагогическом институте, – Т.Т. Камболову. Ученый обратил внимание на содержание имени (титула?) Багатар в известной Зеленчукской надписи. Критически разобрав аргументы своих предшественников – В.Ф. Миллера, В.И. Абаева, Б.А. Алборова, Г.Ф. Турчанинова, В.А. Кузнецова, Л. Згусты, А. Алеманя и др., – Т.Т. Камболов датировал ее XI–XII вв. Его версия содержания надписи в переводе звучит так: «Сахира сын Хорс, Хорса сын *Багатар*, Багатара сын *Анбалан*, Анбалана сын – Лаг – их могилы» (КАМБОЛОВ 2006, с. 166–178).

Социально-политическая терминология различных сословий господствующего класса алан номинально разнообразна. В стремлении объяснить разницу в титулатуре, в частности в труде Константина Багрянородного, упоминавшего *эксусиократора* Алании и *архонта* Азии, высказывалась мысль о принципиальном отличии *эксусиократора* Алании – титула сложившегося государства – и *архонта* асов – социального термина, «целиком связанного с родовым строем» (КУЗНЕЦОВ 1971, с. 233). Однако, как справедливо подчеркнул М. В. Бибииков, такое понимание термина *архонт* базируется лишь «на одном из словарных значений слова» (в 1-м параграфе 1-й главы данной работы приведены примеры иных толкований титула *архонт* – Ф.Г.). Сам М. В. Бибииков, напомним, *архонт* трактует как обозначение «местного аланского властителя, противопоставление которого феодальным правителям не подкреплено источниками». Ученый пишет далее: Ирина Аланская, *василисса*, обозначена термином, который переводится как «исстари богатая». Таким образом, «царская власть связывается с родовитостью и с богатством династа». Интересно и другое наблюдение ученого: «В XIII в. Алания в византий-

ских источниках представляется (подобно Руси и др.) оплотом православия в Европе» (Бибииков 1999, с. 291–293).

Памятники той поры свидетельствуют об аланах на службе Византии. Так, аланский отряд находился в составе войск, которые во главе с Исааком и Алексеем в царствование Михаила VII находились в Малой Азии. Тот же император для войны на восточной границе нанял отряд в 6000 алан. Правда, «большая часть этих сил покинула византийские знамена, так как им не платили жалованья» (Кулаковский 2000, с. 138–139; см. также: Анна Комнина 1965, с. 97, 462 примеч. 179, 465 примеч. 199).

Аланы и в дальнейшем оказывали военную помощь своим союзникам. После катастрофы под Манцикертом турки Алп-Арслана разграбили византийскую Анатолию и в одном из сражений захватили в плен Исаака Комнина. Выкупил брат Алексей, но на обратном пути они подверглись нападению двух сотен турок. Вриенний детально описал данный эпизод: «один из аланских наемников, бывших с благородным Исааком, по имени Арават, видя множество варваров, стремительно нападающих с неистовой яростью, рассудил, что братья, одни с немногими воинами, подвергаются всяческой опасности. Опасаясь, чтобы с одним из них не приключилось какой беды, он призвал товарища, по имени Хаскарис, бывшего под началом у Алексея Комнина, вместе с ним слезть с лошадей и стрелами встретить врагов. Ибо будет постыдно, – сказал он, – если благородные и отважнейшие мужи подвергнутся опасности в присутствии аланов, позор *падет тогда на весь аланский народ*» (курсив мой – Ф.Г.). Хаскарис предложил не вступать в бой с многочисленным противником на равнинной местности, а отступить «к теснинам» и там отважно вступить в бой. Однако «Арават, преисполненный высокомерия перед ним – ибо был варваром – тотчас сошел с коня и, ударив ее хлыстом, – чтобы она следовала за отходящими, занял оборонительную позицию на плоскости». Турки, пораженные этим зрелищем, недоумевали. В руках Аравата «было легкое копье, которым он пронзил грудь первого из нападавших, сбив его с лошади. Один из врагов пустил в него стрелу и ранил его в правую руку; но, вытащив ее из раны, [Арават] отомстил варвару его же оружием... Варвары, устрашенные его мужеством, отошли на расстояние, и он, воспользовавшись этим, поднялся на крышу и оттуда осыпал их своими стрелами». Противники, оставив алана, бросились на остальных. «Но Алексей Комнин... с немногими из своих людей, первый поразил одного из них (нападавших – Ф.Г.), а Хаскарис... ранил в спину другого. Объятые великим страхом, [турки] отступили, оставили их, и они, немного отойдя, спешили и стали лагерем в безопасном месте. По наступлении ночи

подошел к ним и тот алан, что первым сошел со своего коня; и все они были спасены, никто из них не был взят в плен или убит» (АЛЕМАНЬ 2003, с. 308).

Данный текст отражает идеал воинской доблести и преданности вождю. Поступать иначе, чем предписано воину, было нельзя – это сразу же лишало его не только воинского, но и социального статуса. Позор ложился на весь род, а иногда, как в нашем случае, «на весь народ аланский».

Предводитель норманнов Русель Бейльский поднял мятеж против Михаила VII, но был разбит и пленен Артухом, предводителем турецкого корпуса на службе у императора. Однако предводителя норманнов выкупили родственники. Вернувшись в свои владения, он вновь стал опустошать соседние области. «Узнав об этом, василевс Михаил послал Никифора Палеолога к правителю Алании с тем, чтобы привести оттуда наемное войско. Последний, отправившись и собрав там около шести тысяч воинов, прибыл к Понту и пытался отражать набеги Руселя». Из-за нехватки денег на оплату воинам большая их часть ушла (*там же*, с. 309–310). Но в данном случае для нас важен сам факт найма 6000-го корпуса алан.

В начале XII в. аланы во главе со своим царем – эксусиократором Росмиком⁹ – в рядах византийской армии участвовали в отражении агрессии Боэмунда Тарентского, напавшего на Эпир. В конце XII в., при императоре Исааке Ангеле, аланы сражались под византийскими знаменами. Никита Хониат подробно рассказал об одном эпизоде из их участия в военных действиях близ Солуни в 1186 г. Тот же автор рассказал о гибели отряда алан в столкновении в 1189 г. с крестоносцами близ Филиппополя (Кулаковский 2000, с. 139).

Неоднократно упоминает алан Анна Комнина. В вышеприведенном сюжете об участии «воинственных алан» эксусиократора Росмика в сражении с кельтами в 1108 г. Росмик командовал правым флангом, «где стояли его соотечественники» (АННА КОМНИНА 1965, с. 353). В другом сюжете Анна рассказала о подготовке заговора противников императора и его окружения. Они «выбрали безопасное время (дело было вечером) и стали готовить Комнинам засаду». Обсуждая свои планы и способы их реализации, заговорщики «уже открыто высказывали то, о чем раньше говорили вполголоса. Их беседу подслушал один человек, родом алан, по сану магистр¹⁰, который издавна был близок к императору и принадлежал к числу его домашних (курсив мой – Ф.Г.)» (*там же*, с. 97).

В целом, X–XII вв. стали «периодом наиболее глубоких связей Алании и Византии», отразившихся, помимо прочего, «в христианизации Алании и в распространении в ней христианской культуры» (КУЗНЕЦОВ 1985, с. 51–52). Никифор Василага в сюжете об аланах писал по этому

поводу: «иные народы выделяются множеством своих сил, а другие – храбростью и воинским умением, но этот победил их всех и служит только Христу. Ибо они были пленены Его всесвятыми словами и ныне славятся среди нас соблюдением обрядов и своим христианством, и рады называться слугами Христа, друзьями и союзниками христиан» (АЛЕМАНЬ 2003, с. 305).

Заслуживают внимания сведения грузинских источников об алано-грузинских контактах в период правления царицы Тамары. Как известно, ее первым мужем был Георгий Боголюбский¹¹. За короткое время совместной жизни с Тамарой Георгий отметился в удачном походе «в страну Кари или Карнифори и разорили (ее) вплоть до Басиани. С победой и добычей вернулись и прибыли к повелительнице богопросвещенной, и преисполнились радостью и любовью» (АМИЧБА 1988, с. 89–90).

Анонимный автор «Истории и восхваления венценосцев» в сюжете о приеме у Тамары среди прочих приглашенных отметил и алан (*там же*, с. 91–92). «Летопись времени Георгия-Лаша» отмечает, что в период правления второго мужа царицы, алана Давида-Сослана, внутривосточная обстановка в Грузии стабилизировалась. Причем настолько, что никто не осмеливался разрушать церкви и монастыри, «караваны никто не осмеливался грабить. Древнее царство... держала (Тамар) в спокойствии так, что ни одного петуха нигде не резали, воров и злодеев более не было. Если же кто-нибудь и находил краденное, приносил во дворец и клал под знамя... И таким богатым было это царство, что вассалы азнауров одевались наравне с их патронами» (*там же*, с. 99).

Названный памятник содержит сведения о браке наследника царского престола Грузии Георгия, сына Дмитрия (1125–1156), с дочерью царя алан Худдана «по имени Бурдухан, равную своему солнцеликому и львоподобному мужу. Сама она по красоте была солнцем солнц... Имея ввиду ее преданность Христу, я боюсь и стесняюсь искать подобный ей образ среди женщин, бывших предметом любовного преклонения в этом мире» (*Алано-Георгика* 1993. № 2, с. 121).

Узнав о планируемом султаном нападении на Грузию, «царь Георгий быстро собрал войска всех своих царств, посюсторонних и потусторонних, вывел овсов и многочисленные силы из других земель и направился против султана». Узнав об этом, враг отступил. Интересно, что в мирных переговорах активно участвовала «царица Русудан, сестра царя, вдова султана» (*там же*).

Вскоре царь Георгий «со всей знатью» прибыл в Начармагеви. Собранных «навестила царица цариц, счастливая и прекрасная жена его Бурдухан и дочь их, Тамара».

Помимо династических браков, об этом можно судить по материалам археологических находок. Определенную информацию несут в себя монеты – и единичные, и в кладах. Так, в склепах Дзвгиса, пограничного пункта, прикрывавшего вход в Куртатинское ущелье, обнаружены две монеты грузинского царя Георгия III, датированные 1174 г. Как и на многих грузинских монетах более поздних периодов, эта дата «указывает время начала чеканки данного монетного типа, а не время фактического выпуска монеты». Рассматриваемые экземпляры «представляют собой различные варианты первых выпусков ‘правильной чеканки’, имевших круглую форму и приблизительно одинаковый вес (ок. 5 гр.)». На реверсе обеих монет трехстрочная арабская надпись: «Царь Георгий, сын Димитрия, меч Мессии». Обе монеты содержат отверстия, что, по мнению археологов, свидетельствует об их использовании в качестве нашивных бляшек, подвесок и т.п. (ТМЕНОВ, ЦУЦИЕВ 2003, с. 86–87).

Еще четыре монеты из Дзвгиса относятся к одному типу монет «правильного чекана» царицы Русудан. На них указана дата: 447 г. короникона, соответствующий 1227 г. На оборотной стороне помещена арабская надпись в 4 строки: «Царица царей и цариц, величие мира, царства и религии. Русудан, дочь Тамары, поклонница Мессии, да возвеличит Бог победы его!». Как и первые две монеты Георгия III, все найденные монеты Русудан имеют отверстия для подвешивания (*там же*, с. 87).

Раннесредневековые монеты с двумя отверстиями зафиксированы на территории Кабардино-Балкарии. Византийские индикации с припаянными ушками обнаружены в Дагестане. Куфические монетовидные амулеты с отверстиями и с ушком отмечены в Карачаево-Черкесии. Различные экземпляры арабских чеканов происходят из погребальных комплексов Чечни и Ингушетии. При этом большая часть таких находок обнаружена в составе ожерелий. Характерна и такая деталь: все перечисленные монеты в регионе служили не столько в качестве торгового эквивалента, сколько в качестве украшений. Их функциональное значение, очевидно, схоже с вышеприведенными нумизматическими находками из Дзвгиса. Об этом же можно судить по следующему факту: многие монеты попадали в погребальный инвентарь (причем в качестве украшений!) два-три века спустя после чеканки (МАСЛОВ 2005, с. 54–55).

Нумизматические материалы встречаются не только в сопровождающем инвентаре и не только в мизерном (1–2) количестве. Иногда, как известно, встречаются *клады*. Анализ их происхождения и обстоятельства находок дают неплохие результаты. Из последних примеров на эту тему приведем работу В. Н. Седых, посвященную кладам эпохи Рюрика. Материалы этого времени сосредоточены на Ладого, в Рюриковом городище, в

Гнездове, Тимерева и др. Ладога вместе с округой в тот период являлись средоточием восточноевропейских речных магистралей, пересекавшихся здесь с западной ветвью морских торговых путей. Это «и определило особую роль Ладоги в первые века русской истории. Возникший в середине VIII века полиэтничный торгово-ремесленный поселок Ладога стал своеобразными ‘воротами’, через которые проходило движение арабского серебра в Балтийский регион» (Седых 2005, с. 181).

Первые клады восточных монет практически одновременно появляются на севере Руси и Европы. Уже в первый период обращения дирхемов (до 833 г.), количество кладов, обнаруженных на территории современной Новгородской области, существенно превосходит число кладов в Скандинавии. По одной из версий, это «свидетельствует об ориентации на внутренние потребности Руси в серебряной монете, а не о транзитном характере ввоза дирхем». Призванный в 862 г. князь Рюрик укрепляет Ладогу, а затем – Городище в истоках Волхова. Одновременно шла борьба за контроль над торговыми путями, строительство военно-торговых поселений. Возможно, при этом была разрушена сложившаяся в предыдущий период система даней и торговых пошлин. Во времена Рюрика (860–879 гг.) количество кладов в рассматриваемом регионе резко увеличилось. На эти годы приходится «более половины всех дирхемов, зарытых в Восточной Европе между 780 и 899 гг.» (*там же*, с. 181–182).

Причины сокрытия кладов у северных этносов не однозначны. Место и условия, состав и контекст находки кладов позволили разделить их на *клады чрезвычайных обстоятельств* и *клады-сбережения (сокровища)*. Исходя из этого, В. Н. Седых пишет: «Представление о том, что период 860–879 гг. был периодом интенсивной торговли Руси с Востоком, очевидно, является ошибочным». Многие из дирхемов, попавших в Восточную Европу до «призвания Рюрика», еще долго оставались в обращении. В шести крупнейших кладах этого периода доля дирхемов, чеканенных до 862 г., колеблется от 70 до 98%. Причем, абсолютное большинство старых монет было чеканено в первые два десятилетия IX в. Получается, что большинство старых дирхемов, имевших хождение «в Восточной Европе во времена Рюрика, попали туда *до 860 года*, в период *предшествующих* интенсивных русско-исламских торговых связей» (*там же*, с. 182–183).

В. Н. Седых полагает, что в конечном итоге основной целью проникновения викингов на территорию славян было стремление установить контроль над участками Великого Волжского пути – основной магистрали поступления восточного серебра. Иными словами, шла «борьба за доминирующее положение в русско-исламской торговле» (*там же*, с. 184).

К концу X в. относится сводка информации о печенегах, хазарах, бургасах, волжских булгарах, мадьярах, славянах, русах, земле ас-Сарир и аланах, собранная в «Анонимной записке о народах Восточной Европы». Полнее всего сводка сохранилась в передаче персидского автора Ибн-Рустэ. Его труд написан на арабском. В «Анонимной записке» приводятся сведения о ландшафте Восточной Европы, дорогах, городах, торговле, деталях политического устройства, вероисповедании, ритуальных и похоронных обычаях, вооружении, способах ведения войны и т.д. Ибн-Рустэ сообщает также о различных торговых магистралах. К таковым он относил, в частности, Итил (Волгу): «Хазары торгуют с ними (булгарами – Т.К.). Также и русы прибывают к ним со своими товарами, как и все, кто обитает на этой реке, привозят свои товары, такие, как соболь, горностай, белка и другие» (КАЛИНИНА 2003, с. 27–28). Аналогичную информацию об Итиле сохранил Ибн-Фадлан, в 921–922 гг. посетивший Волжскую Булгарию: «На этой реке (находится) место рынка, который бывает бойким во всякий (благоприятный) момент. На нем продаются многочисленные ценные вещи» (*там же*, с. 28).

Воины из народов Северного Кавказа нередко появлялись в составе дружин древнерусских князей. На Русь кавказцы попадали по разным каналам¹². Их «приглашали» на поселение, главным образом на пограничную территорию в качестве охраны. По Ипатьевской летописи, в ходе похода 965 г. на хазар Святослав «победи ясы и касоги и приде к Киеву». Аналогичные известия содержат Воскресенская, Тверская, Псковская и Софийская летописи. В. Н. Татищев обратил внимание на другой фрагмент хроники: после победы над ясами и касогами Святослав их «*приведе Киеву*». Дворянский историк данный сюжет понимал как привлечение алан в Киев «на поселение». А. Н. Сахаров допускает появление в Киеве алан и касогов не в качестве поселенцев, а дружинников. В любом случае само появление в столице Древней Руси алан и касогов – факт примечательный. Не менее показательно, что в начале XI в. «Ярослав ходи на ясы, и взят их, и посели на Рси».

В борьбе за киевский престол между Мстиславом и Ярославом оба князя опирались на своих воинов, в составе которых было немало наемников. Так, незадолго до битвы 1024 г. между братьями возле села Листвен вблизи Чернигова Ярослав пополнил свои силы в Скандинавии, тем не менее потерпел поражение и бежал в Новгород. Согласно «Повести временных лет» (ПВЛ), «Мстислав проявил себя истинным дружинным князем... Ярослав бросил в бой ударную силу своего войска – дружину, состоявшую, главным образом из варягов». Мстислав же против них выставил ополченцев из северян, приберегая дружину для кульминации

сражения. Ополченцы стойким сопротивлением измотали варягов. Исход битвы решил Мстислав, бросивший в бой «свою отборную дружину, приведенную им из Тмуторокани», состоявшую, согласно ПВЛ, «из касогов и хазар» (КОТЛЯР 2000, с. 140–141).

Отношение к дружине демонстрируют слова Мстислава, сказанные им на следующее утро: «видев лежачие сечены от своих север и варягы Ярославле, ... Кто сему не рад? Се лежить северянин, а се варяг, а дружина своя цела». Следует согласиться с Н. Ф. Котляром: «Только дружинный князь, истинный потомок Святослава, мог предпочесть своим подданным-славянам этнически, культурно и религиозно чуждых наемников, приведенных им с Кавказа! Эти наемники были ему дороже всего, поскольку составляли его дружину, бывшую в понимании князя такого рода и ударной силой, и защитой, и аппаратом собирания налогов, осуществления власти и суда» (*там же*, с. 141).

В поздней Никоновской летописи под 1029 г. читаем: «Ярослав ходи на ясы (осетин – *Н.К.*) и взят их». В данном случае Ярослав помог брату, «интересы которого в Тмуторокани и вообще на Северном Кавказе требовали постоянного русского военного присутствия, а то и вмешательства» (*там же* с. 141–142).

Согласно Лаврентьевской летописи, во время похода 1116 г. против половцев Ярополк «приведе с собою Ясы и жену полони себе Ясыню». Интересующий нас фрагмент в Ипатьевской летописи изложен чуть иначе: «Ярополк приведе собе жену красну велми. Ясыскаго князя дщерь¹³ полонив». Следует согласиться с А. Алеманем: число алан на Руси «должно было быть достаточно значительным, чтобы привлечь внимание летописца, и что прекрасная аланская невеста была из семьи благородного происхождения, обладавшей определенной властью, а не его наложницей» (АЛЕМАНЬ 2003, с. 492–493).

Напомним алана *Анбала*, ключника великого князя Владимиро-Суздальского Андрея Боголюбского. Ясин (алан) был в числе заговорщиков, бояр Ростова и Суздаля, и принял участие в убийстве Андрея (АБАЕВ 1949, с. 42).

Тесные контакты алан со славянами нашли отражение в фольклорной традиции. В 1780 г. в донесении протопопа И. Болгарского архиепископу астраханскому и ставропольскому Антонию приведена одна из версий исторических преданий о контактах алан со славянами в период «ординских татар». В этой связи привлекают внимание открытые на городище Верхний Джулат (у Эльхотовских ворот Северной Осетии) каменные здания и вещественный материал, тяготеющий к культуре Древней Руси XI–XIII вв.

Маркером длительных связей Киевской Руси и Алании являются многочисленные предметы славянских древностей, найденные на Северном Кавказе. Только за последние годы на Развальском городище (на севере Пятигорья) обнаружены десятки древнерусских предметов XI–XIII вв., изготовленных славянскими ремесленниками. Среди находок – детали от крестов-складней. Время и обстоятельства их появления на аланском городище одни археологи объясняют политическими и экономическими¹⁴ связями Руси и Алании, другие связывают с русскими пленниками татаро-монголов (Рудницкий 2001, с. 115–116). По мнению третьих, находки на Северном Кавказе русских крестов XII–XV вв. свидетельствуют о проникновении в предгорье каких-то групп славян. Напомним, что в персидской хронике *Тарасол* («Письмовник») Георгий Лаша назван «царем царей Абхаза, Шака, Алана и Руса». Многочисленные исследования данного сюжета показали, что под этнонимом *Русы* подразумевается часть населения Древней Руси, оторванной от родных мест и еще в XII в. обосновавшейся на Северном Кавказе, в непосредственной близости от государства грузинских Багратидов (Гутнов 1989, с. 27–28).

Браки представителей аланской элиты с древнерусскими князьями косвенно указывают на степень социального статуса первых.

Процесс формирования высших слоев социумов Северного Кавказа сохранили генеалогические предания знати¹⁵. Так, родословные феодалов Стыр-Дигории (одного из обществ Западной Осетии), *царгасатов* (от *царгас* «орел»), отразили «аристократическую» версию возвышения их предков. Вместе с тем, сохранились и «демократические» (народные) фольклорные памятники, в которых факторы и механизмы возвышения царгасат предстают в ином изложении¹⁶. Аристократическая версия возвышения местных феодалов коррелируется и историческими преданиями. Отметим, например, песню «Задалески нана» (Задалеская мать). События излагаются в ней в строгой последовательности: нашествие Тимура, гибель осетинского войска («мужественная молодежь, один лучше другого... в царство мертвых отправляются»), отступление в ущелья Центрального Кавказа, появление там новых сел (*там же*, с. 62–63).

По некоторым редакциям родословных знати, Царгас появился в горах, когда здесь «алдарствовал Астанов Дзамбулат» (*Предание...*, с. 93). Разумеется, борьба за власть в социуме между «пришлыми» (царгасатами) и «местными» (персонифицированными в образе Хамица Хамицаева) была яростной и кровавой. Завершилась она едва ли не полным истреблением Хамицаевых (Миллер 1881, с. 100–103).

Ряд версий родословных царгасат время появления прототипа фольклорного героя относят ко времени до татаро-монгольского нашествия.

Причем, эти редакции Царгаса считают родным братом Шарваша – родоначальника абхазских князей Шервашидзе из рода Чачба. Впервые они упоминаются в «Истории и восхвалении венценосцев», написанной в 20-е гг. XIII в. По отдельным сюжетам устного народного творчества, представители данного рода правителями Абхазии становятся во времена Давида Строителя (рубеж XI–XII вв.). Однако, в «Летописи Грузии» сообщается об осаде Анакопии весной 1046 г. Силы нападавших состояли из грузинских и абхазских войск. Во главе последних стоял эристав Куабулел Отаго Чачасдзе. По мнению Ш. Д. Инал-ипа, имя предводителя абхазских воинов является грузинской формой абхазского фамильного имени Чачба. Н.А. Бердзенишвили фамилию Шервашидзе также связывал с военачальником Отаго (Дотагод) Чачасдзе (Инал-ипа 1965, с. 497; *его же* 1976, с. 407–408). В любом случае возникновение княжеского клана Шервашидзе относится к предмонгольскому периоду. Коль скоро фольклорное наследие Царгаса и Шарваша считает братьями, то появление первого в горной Осетии предположительно можно отнести ко времени, предшествовавшему татаро-монгольскому нашествию. Косвенное подтверждение этому находим в исторических и генеалогических преданиях Западной Осетии. По многим редакциям родословной царгасатов, их далекий предок в Стыр-Дигоре обосновался раньше Бадела – родоначальника феодалов Тапан-Дигоры. Данный сюжет дал В. Б. Пфафу повод для следующей гипотезы: «До пришествия баделятов Дигория, вероятно, состояла в зависимости от другой владетельной фамилии из сословия царгасатов»¹⁷ (Пфаф 1871, с. 82–85). Б. В. Скитский на основе анализа статейного списка посольства И. Толочанова и А. Иевлева в Грузию пришел к заключению о том, что в Дигории до усиления баделятов господствовали царгасата (Скитский 1949, с. 127, прим. 1).

В византийской рукописной традиции существенное место занимали сочинения астрономико-астрологического и метеорологического содержания. Свое название – бронтологические – они получили от греческого слова «гром». В одном из таких памятников, традиционно датированном XII в. или эпохой «не позднее конца XI в., хотя его авторство в лемме кодекса приписывается императору Льву VI (886–912)», содержится предсказание: «Кумания и Алания будут без царей» (*Бибиков* 2005, с. 46). Вероятно, в данном случае речь идет о распаде аланского царства на отдельные «княжества», т.е. о периоде феодальной раздробленности.

Уточнить наши представления о социальной структуре алан в предмонгольский период позволяют археологические материалы. «Позднеаланский этап – вторая половина X–XII вв. – в Кисловодской котловине представлен основным массивом катакомбных захоронений на террито-

рии Мебельной фабрики, могильников у Рим-горы, датируемых золотой византийской монетой Константина VIII и Романа II (945–959 гг.) и многочисленными византийскими импортами».

Среди важных политических событий рассматриваемого периода археологи выделяют «освобождение в конце IX в. северокавказских алан от хазарской зависимости, военный поход Святослава 956 г. на хазар, ясов и касогов, христианизацию Алании и, как следствие, значительное усиление византийского влияния на материальную культуру алан». Выделение по археологическим данным этапов развития аланской материальной культуры в основных чертах совпадает с периодизацией этносоциальной истории, реконструированной А. В. Гадло по письменным источникам. «Это совпадение довольно примечательно, так как оно со всей наглядностью показывает, что изменение основных черт аланской материальной и духовной культуры на протяжении IV–XII вв. неразрывно связано с важнейшими изменениями в этнополитической и социально-экономической ситуации на Северном Кавказе» (АФАНАСЬЕВ, РУНИЧ 2001, с. 238).

Принято считать, что основными маркерами дружинных погребений являются предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня. Как показывают материалы восточноевропейских протогородских и городских центров VIII–XIII вв., «наличие тяготеющих к этим центрам дружинных курганов» можно рассматривать в качестве достаточно надежных признаков особых профессиональных воинов, живших преимущественно за счет добычи и «жалования» со стороны «своего» князя. В качестве примера приведем данные раскопок могильников (более ранних – грунтовых, и более поздних – курганных) Северо-Восточного Причерноморья. Общими чертами тех и других погребальных комплексов являются кремационный обряд и идентичный сопровождающий инвентарь. Численно преобладают курганные некрополи, в основном датируемые концом XI – первой половиной XIII в. Специфическая черта могильников – погребения всадников «в виде урновых трупосожжений в сопровождении боевых коней, с оружием и упряжью. Доля таких погребений в исследованных могильниках составляет от четверти до трети всех кремаций, а среди общего числа воинских захоронений на всаднические приходится 60–70% могил» (АРМАРЧУК 2004, с. 9).

В названных курганах первые два из указанных трех основных археологических признаков присутствуют. Не обнаружены пока предметы экипировки всадника: шпоры и плеть. Местный материал позволяет расширить круг признаков, характерных для погребений княжеских всадников: наличие в могиле останков коней¹⁸, высокий процент погребений

всадников в общем числе воинских, «характер сопутствующего инвентаря» (*там же*).

В позднеаланских катакомбных комплексах Центрального Предкавказья к показателям дружинного сословия относятся: сочетание отдельных предметов конской упряжи со сбруйными комплектами; наличие клинкового, сугубо всаднического оружия – сабель и палашей, которые, как и на Руси, считаются индикаторами высокого социального статуса погребенных. Защитный доспех состоял из кольчуг и шлемов. Сочетание данных признаков, особенно в парадных видах инвентаря (украшенные сабли и упряжь), позволяют в общей массе воинских захоронений выделить богатые дружинные погребения воинов-профессионалов, среди которых уже заметна дифференциация. Погребения коней в аланских могильниках, как правило, рассматриваются «как ритуальные или посвященные на дружинных участках некрополей». Наконец, еще одним маркером принадлежности усопшего к дружинникам является присутствие в сопровождающем инвентаре импортных дорогих вещей, а также обилие и разнообразие предметов (*там же*, с. 9–10).

С Северо-Западного Кавказа происходят великолепные образцы парадного оружия, доспехов и конского убора. Разумеется, такие предметы единичны. Как иерархический знак археологи рассматривают наборные узды. В качестве аналогов приведем данные из истории Руси. Наборные узды распространились здесь «в период обособления военно-феодальной верхушки и создания дружин в IX–XI вв., а декорированные стремяна бытовали в дружинной среде и у зажиточных горожан в XII–XIII вв., являясь определенным иерархическим знаком» (*там же* с. 10).

По мнению Е. А. Армарчука, «материалы могильников XI–XIII вв. Северо-Восточного Причерноморья... явно свидетельствуют о существовании в местной среде воинского дружинного сословия» (*там же* с. 11).

Наряду с воинскими, исследованы и могилы «рядовых» общинников. Из последних примеров отметим материалы могильника «Кари цагат» в Дигорском ущелье Северной Осетии. В 1999 и 2003 гг. здесь открыты расположенные в непосредственной близости друг от друга две катакомбы аланского времени (погребения 8 и 10). Отметим их общую деталь – входные отверстия в обоих случаях закрыты несколькими слоями сланцевых плит, установленных вертикально. Дромосы перекрывали каменные заклады. Возможно, обе детали отражают т.н. «обряд обезвреживания». С этим обрядом, вероятно, связано и хаотичное состояние 12 человеческих останков, обнаруженных в погребении 8. В погребении 10 находилось «три человеческих скелета и перемешанные кости от не менее чем двух костяков, один из которых был детским». И в данном случае

скелеты были смещены. В двух могилах найдено около двухсот находок, в том числе: железные ножи, наконечники стрел, оселки, пряжки, браслеты, пуговицы, подвески, бусы. Катакомбы датируются X–XI вв. (МОШИНСКИЙ, БАЛАШОВ 2004, с. 131–132).

Интересны материалы аланских поселений и укреплений. Среди новых исследований по данной теме отметим работу Г. Н. Афанасьева, С. Н. Савенко, Д. С. Коробова, посвященную памятникам Кисловодской котловины. На вершине мыса левого берега Подкумка на северо-западной окраине Кисловодска выявлено укрепление; сохранились лишь следы башни размерами 3,5×4 м. Еще одно укрепление находилось на правом берегу Подкумка на холме Долина Очарования. Скальный мыс на левом берегу р. Кабардинка, слева от дороги Кисловодск – Хасаут служил основанием двухплощадного укрепления. Размеры нижней площадки – 43×37 м, верхней – 51×48 м. В ходе работы на данном памятнике Д. С. Коробов на верхней площадке зафиксировал три каменные постройки. Отсутствие культурного слоя в шурфах является свидетельством краткого периода функционирования данного памятника; судя по керамике – VI–IX вв. На левом берегу Подкумка на мысе, с трех сторон ограниченном отвесными обрывами до 20 м, располагалась Аланская Крепость 2, занимавшая территорию 130×70 м. К северной части примыкает другой мыс, возвышающийся над первым на 5 м. На его вершине прослежены остатки башни-замка, защищавшего подступы с севера. «Прямоугольное в плане здание состоит из двух помещений, размеры башни 11×9,8 м при толщине стен 0,4–0,8 м. На нижнем мысе отчетливо видны фундаменты двух других башен. Среди предметов сожженного жилища «найденны пряжки и детали поясного набора, каменный оселок, костяные поделки, зернотерки и жернова аланского времени (V–VIII вв.). На труднодоступной скальной платформе левого берега р. Аликоновка, возвышающейся на 100 м над Медовыми водопадами, расположено самое крупное укрепление аланского времени VI–IX вв. Указатель (Аликоновское 10 по В. Б. Ковалевской). Его площадь составляла 8 га. Хорошо сохранились основания каменных сооружений домов, загоронок для скота, башен и юртообразных помещений» (АФАНАСЬЕВ, САВЕНКО, КОРОБОВ 2004, с. 118, 120–123, 125).

Давно известно укрепление Рим-Гора (Боргусант-кала), локализованное на отроге Боргусантского хребта в 17 км к западу от Кисловодска, на правом берегу р. Эшкакун у ее слияния с Подкумком. Городище расположено на огромном скальном останце-плато площадью 16 га, протяженностью 2,2 км и высотой отвесных склонов от 3 до 20 м. Из долины Подкумка на вершину плато ведет древняя дорога шириной около 3 м. В середине западного склона сохранился каменный вал, у юго-западного

угла плато высечена тюрьма. На поселении обнаружены остатки фундамента христианского храма; у юго-восточного угла – христианский могильник и остатки трех прямоугольных в плане башен. На городище обнаружены 12 вырубленных в скале караульных помещений, 33 цистерны для воды и остатки строений, напоминающих землянки. Городище датируется VI–XIII вв.; наиболее интенсивное заселение происходило в позднеаланское время (X–XII вв.), но встречаются и материалы аланской культуры VI–IX вв. (*там же*, с. 138–139).

Укрепление Мосейкин Мыс 1, расположенное в южном секторе Кисловодска, занимало три мысовые площадки. Верхняя отгорожена от напольной стороны выемкой глубиной до 3-х м. За ней видны остатки стены, сохранившейся в виде развала камней разной формы и размеров. Длина развала – 13,5 м, ширина – до 7 м, высота – 1,5 м. Здесь же, на восточном краю – остатки каменных построек. Ниже, на средней площадке, обнаружены бесформенные каменные развалины, возможно, строений. На юго-западной части нижней площадки – следы башни, имевшей в основании размеры 8,4×5,4 м, сохранившаяся высота кладки – 0,8 м. Датируется данный памятник V–VII в., «однако не исключено, что данное укрепление функционировало в позднеаланский период, поскольку найдены несколько фрагментов керамики и наконечник стрелы, которые датируются в пределах X–XII вв.» (*там же*, с. 144–145).

Обширное поселение Рим-Гора тянется на 1,2 км окраины аула Джага до выезда с проселочной дороги на трассу Кисловодск-Учкекен. Площадь поселения – около 117 га; оно полукольцом охватывает отмеченное выше городище Рим-Гора. На поверхности видны очертания кварталов, обгорелые балки, обугленный камень, остатки булыжных, турлучных и глинобитных стен. Среди находок – обгорелые зерна пшеницы, ячменя, проса; железные ножи и тесла, мельничные жернова, остатки деревянной наковальни, кости крупного и мелкого рогатого скота, керамика. Помимо этого, на поселении обнаружены следы христианского храма, древнерусский бронзовый литой змеевик XI–XIII вв. (*там же*, с. 139).

Отметим комплекс Кольцо-Гора 1, размерами 600×300 м; от помещений остались лишь фрагменты каменных стен, «а также небольшой культурный слой с фрагментами керамики позднеаланской культуры» X–XII вв. (*там же*, с. 119).

Социальная структура алан начала II-го тысячелетия косвенно отражена в материалах по истории связей викингов с этносами Кавказа. Напомним последнюю экспедицию знаменитого Тура Хейердала, весной 2001 г. возглавившего экспедицию в Азов (город Асгард скандинавских sag). Норвежский ученый искал здесь археологические аргументы в поль-

зу своей идеи о том, что часть древней скандинавской аристократии составили аланы¹⁹, выходцы с Дона. «Мигрантов» с южных степей России на север привел Один, впоследствии ставший самым почитаемым божеством викингов. Эта гипотеза в разное время высказывалась П. И. Шафариком, Г. В. Вернадским и др. (см.: Гутнов 2005, с. 77–79).

С другой стороны, интересно сопоставить материалы о социальной структуре алан и викингов, оказавшихся участниками одних и тех же важных событий на Кавказе и Ближнем Востоке. В этой связи вызывает интерес совершенный в 40-х гг. XI в. поход викингов на Кавказ, в Грузию и далее к южному побережью Каспия. Он отражен в «Саге об Ингваре»; в 30 рунических надписях из Швеции, Дании, Норвегии и Исландии; в грузинском летописном своде «Картлис цховреба»; возможно об этом же событии говорится в труде армянского автора XIII в. Степаноса Орбеляна.

Согласно «Саге об Ингваре», дружина последнего три года провела в Древней Руси при дворе Ярослава Мудрого. Затем викинги Ингвара, происходившего из королевской семьи шведов, отправились в поход в далекую страну Серкланд. Спустившись по Днепру в Черное море, они, по мнению некоторых историков, приняли участие в неудачном походе русов на Византию. После этого варяги некоторое время готовились «к восточному путешествию». Как предполагает С. А. Маркарян, подготовка скорее всего проходила в районе Тмутаракани у кавказского побережья. Сам поход состоялся в 1048–1050 гг. Викинги поднялись по р. Риони в Западной Грузии, а затем – по рекам Квирила и Дзирула. В районе Сурами они волоком перетащили свои ладьи в Куру; далее их путь лежал на восток, через Кавказскую Албанию до Каспийского моря и обратно (МАРКАРЯН 2004, с. 101).

Г. В. Глазырина в комментариях к редакции А «Саги о Стурлауге трудолюбивом Ингольвссоне» указала соответствие древнескандинавскому имени Ингвар славянскому антропониму Игорь. *Гарды*, где правил Ингвар, – «наиболее раннее древнескандинавское обозначение Руси» (ГЛАЗЫРИНА 1996, с. 188–189, прим. 121).

В период своего пребывания в Грузии, дружина Ингвара, наряду с аланами Дургулея, приняла участие в междоусобной борьбе царя Баграта IV с великим эриставом Липаритом. В отличие от алан, викинги в конечном итоге оказались на стороне Липарита. Эристав после нескольких ожесточенных сражений завладел восточной Грузией.

В древнеармянских памятниках наибольшую осведомленность о делах Ингвара проявил епископ Сюника и митрополит Северной Армении Степанос Орбелян. Многие сведения он черпал из не дошедшей до нас хроники Мхитара Анеци, автора XII в. Его труд известен лишь в несколь-

ких фрагментах, сохранившихся в передаче других авторов. Степанос специально подчеркнул, что во второй половине XII в., после успешного окончания войны, правящий род Багратидов изгнал князей из рода Липаритов, бежавших в Армению (МАРКАРЯН 2004 с. 102–103).

В версии перевода 1910 г. обратим внимание на сюжет о вторжении «сынов Исмаила» в Закавказье и Византию. «Бесчисленное войско», в состав которого входили хорезмийцы, арабы, иракцы и отряды «всякого сброда из персов и хазиров», стало лагерем у Карина. «Оттуда они углубились а нашу страну (Армению – Ф.Г.) и стали грабить и убивать христиан, их обиталища и в Армении, и в Грузии, и в стране Греческой (Византии)». В поисках союзников император Византии Константин IX Мономах обратился за помощью к Липариту, в то время «храбрейшему и доблестному воину, несгибаемому и величайшему полководцу». В том же стиле превосходных степеней древнеармянский автор продолжил: «Бесстрашный и смелый воин, великий Липарит решил внести личный вклад» в борьбу с исмаильтянами. Общая численность союзной армии составила 41 тысячу 700 воинов. Причем, в ее составе были «700 свободных, независимых, вольных, прекрасных воинов, служивших с достоинством, которые служили ему лично». В другой версии перевода названы «700 вольных, независимых свободных и великолепных воинов, которые подчинялись и служили лично ему, являлись его телохранителями». Помимо этого, Липариту подчинялись 16 тысяч ратников – *месхов* из его владений. Две другие части коалиционной армии составили *аркаи*, «правительственные войска царя Давида» (10000 воинов), и византийцы Кекавмена (15000). Боеспособность союзников снижали споры о первенстве названных трех военачальников (*там же*, с. 103–105).

С. А. Маркарян обратил внимание на трактовку термина *азатк* в отношении 700 викингов, оказавшихся в составе дружины Липарита. В современных словарях данный термин считается производным от *азат* «свободный»; «вольный»; «независимый»; «человек свободной профессии»; «воин, несущий службу по своей воле»; «отдавший себя в службу»; «несущий службу с достоинством». Однако, подчеркивает армянский исследователь, такая трактовка понятия *азатк* некорректна. Это слово «церковноармянского происхождения», впервые встречается в сочинении автора V в. Египше. В переложении с латинского в древнейших текстах Библии на армянском языке *азатками* «назывались те, кто был пленником, а потом был освобожден и стал вольным, добровольно несущим службы своему хозяину воином или группой воинов или слуг. И так же будут называться их будущие дети» (*там же*, с. 106).

Степанос Орбелян вряд ли получил бы сан епископа, если бы основательно не знал церковноармянского языка. Очевидно, древнеармянский автор одним словом *азатк* передает все, что «произошло с викингами-варягами Ингвара в Грузии во время и после Сасиретской битвы». Фактически варяги сначала оказались пленниками Липарита, а после переговоров и уплаты им за будущую службу перешли на сторону грузинского эристава и стали его личной гвардией, телохранителями». Интересен термин, коим были обозначены 700 викингов – *сторадриалнернеин*; он означает «служившие ему», «его вассалы», «его личные (гвардейцы, телохранители – С.М.) воины», или «его личные слуги» (*там же*).

Достоин упоминания свидетельство о шлемах 700 воинов – «необычных, ужасных, наводящих страх». Вполне возможно, что в данном случае речь идет об элементе защитного доспеха, напоминающем шлемы викингов (*там же*, с. 107).

О варягах и аланах, участвовавших в междоусобной борьбе в Грузии на разных сторонах, сообщает «Летопись Картли» (*Матиане Картлиса*). «Пришли тогда варяги в количестве трех тысяч человек, и поставили их в Баше. Тогда подошел Баграт с внутренним войском. Эти варяги, не дожидаясь месхов, вступили в схватку у начала Сасиретской рощи. Внутренние войска бежали, и в этом же сражении захватили Абусера и вместе с ним и других знатных вельмож, не выдержали они боя с варягами. Липарит заплатил варягам за службу, и встретили их везде с хлебом». В то же время Баграт «призвал на помощь Дургулеля, царя осов, с сорока тысячью осетинских воинов» (*Алано-Георгика* 1993. № 1, с. 176).

После оформления раннеклассового общества, например, у алан, постепенно растет роль частнособственнической эксплуатации. Во всяком случае в X–XII вв. структура аланского общества претерпела серьезные перемены. Динамику этого процесса на материале ряда могильников проследил С. Н. Савенко. По его данным, в X – начале XI в. знать составляла 6,8%, средний слой – 69,8%, общественные низы – 20%, «зависимые» – 3,4%. Во второй половине XI–XII вв. соотношение среднего слоя и бедных общинников иное. В катакомбах Змейской станицы эти слои населения составляют 26,5% и 47% соответственно, а в могильнике Кольцо-Гора – 23,8% и 52,5%. Выделилась промежуточная группа между средними и низшими слоями (11,2% и 8,6%), возросло число «зависимых»: 7,1% и 8,6% в Змейской и Кольцо-Горе (САВЕНКО 1989, с. 19).

Резкое увеличение числа обедневших общинников (более половины населения) и «зависимых» со второй половины XI в. свидетельствует о росте частнособственнической эксплуатации. Это являлось свидетель-

ством распространения вотчин, в которых развились формы зависимости и эксплуатации между отдельными представителями знати и крестьянскими домохозяйствами (Гутнов 1995, с. 363–371). С этого же времени в истории Алании начинается период децентрализации. Совпадение это, видимо, не случайно. Распад единого государства и возникновение самостоятельных княжеств связаны с возросшей политической и экономической активностью князей. Мощь последних определялась количеством вассалов, служба которых скреплялась дарами сюзерена, включая земельные дарения. В последних рыцарь нуждался для получения доходов, ибо без них он не мог исполнять рыцарскую службу. Боевое снаряжение рыцарей, в какой бы стране они ни жили, стоило чрезвычайно дорого, поэтому им требовались значительные средства. Повсюду выработалась норма землевладения, считавшаяся своеобразным минимумом, способным дать обеспечение рыцарю. В Англии такой нормой служили 5 гайд земли, и дружинник, имевший владения меньшего размера, считался безземельным. Во Франкском государстве профессиональную конную службу мог нести лишь воин, обладавший не менее чем четырьмя мансами (Гуревич 1970, с. 43).

Распространение вотчины у алан с середины XI в. привело к резкому увеличению числа лиц, подвергавшихся частнособственнической эксплуатации (около 70%). Утверждение господской вотчины стало показателем победы собственно феодальных методов эксплуатации. В частности, знать в своем хозяйстве использовала труд «кавдасардов», людей, рожденных от побочных жен («номылус»). Буквально термин *кавдасард* переводится «рожденный в хлеву» (АБАЕВ 1958, с. 591; 1979, с. 189).

На многоженство аланских аристократов в начале X в. обратил внимание архиепископ Алании Петр. В письмах к нему патриарх Византии Николай Мистик просил «допускать послабление в отношении князя страны и людей, уже издавна живущих в таких браках» (Кулаковский 1898, с. 5). Существование кавдасардов нашло отражение в нартовском эпосе (ВАНЕТИ 1935, с. 212–213; ДЮМЕЗИЛЬ 1976, с. 95). Об этом же свидетельствует археологический материал. Анализ данных X–XIII вв. позволил В. А. Кузнецову высказать предположение, что незаконнорожденные дети «лишались права захоронения на родовой земле, как не принадлежащие этому роду» (КУЗНЕЦОВ 1971, с. 228).

В связи с проблемой возникновения зависимого населения у алан большой интерес вызывает социальный термин *армыдзыд*, на который первой обратила внимание З. Д. Цховребова. Это слово представляет собой причастие от составного глагола «армы цауын» (входить под чью-либо руку). Так назывались люди, отдававшие себя под покровительство

сильного рода. Представитель слабого рода являлся к знатному лицу и говорил: «уæ армы цауын», т.е. «я вхожу под вашу руку». Это давало ему надежную защиту. Покровительство обуславливалось рядом повинностей: армыдзыд платил налог, работал на патрона, поставлял воинов в необходимых случаях и т.д. С армыдзыд тесно связано понятие *æлдар* (от «армдар» – рукодержец). Они взаимно дополняют друг друга. Алдар «рукодержец» существовал постольку, поскольку был «армыдзыд», т.е. было над кем держать свою руку. Отношения, раскрываемые этими терминами, возникли, видимо, еще на начальных этапах классового образования. Но законченную форму они приобрели в феодальном обществе (АБАЕВ 1968, с. 5–26), в котором покровительство трансформировалось в отношения господства и подчинения.

В составе аланского государства оказались и горные районы Центрального Кавказа. Однако не на всей территории Алании предмонгольской поры господствовали феодальные отношения. Нельзя смотреть на феодализм как на нечто сложившееся одновременно и повсеместно. Утверждение новых отношений в одних районах не исключает продолжение их генезиса в других (САХАРОВ 1979, с. 94–95). Так и в данном случае: в горах процесс социального развития не зашел так далеко, как на равнине.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Царь алан XI в., убитый кахетинским царем Квирике III.

² Насколько известно, наиболее могущественный царь в истории кавказской Алании. В византийских и закавказских источниках предстает как надежный союзник империи и Грузии. Здесь же отметим, что в грузинских хрониках Дургулель Великий, в отличие от царя (*мер'е*) Урдуре, назван *великим царем овсов* [*didman Ovssetsa мер'eman*] (АЛЕМАНЬ 2003, с. 416–417).

³ Сестра Дургулеля, жена грузинского царя Баграта IV, носила имя Борена. Первый элемент антропонима, *bur/bor* «желтый», восходит к скифскому *bor(a)* «желтый», «гнедой», «мышистый» (см.: КАМБОЛОВ 2006, с. 226). А. Алемань, опираясь на В. И. Абаева, в качестве примера привел ряд личных имен с корнем *bor*, а также фамильный термин *Borata* одного из трех родов нартов. В ирон. и диг. слово отмечено как *Bora-farnug* и *Bura-farnyg* (АБАЕВ 1949, с. 161; *его же* 1958, с. 268, 271–272; АЛЕМАНЬ 2003, с. 424).

⁴ Этимология имени Альда точно не установлена. В. И. Абаев (1949, с. 42) лишь указал на персонаж нартовского эпоса с именем *Elda, Alda*. По гипотезе С. Н. Малахова, Альда/Алда, аланка по происхождению, носила тюркское имя. «Достаточно сравнить монг. *алдар* ‘слава’, ‘имя’, тюрк. *ат* ‘имя’, ‘слава’, т.-манж. *алду* ‘звук’, ‘известие’. Ско-

рее всего оно имело значение ‘именитая, славная’, т.е. знатная, или, если следовать карач. *алда* – ‘родившаяся первой’» (МАЛАХОВ 2003, с. 81). Данная версия представляется вероятной, но не бесспорной. Во всяком случае, термин *алдар* в монгольский попал от алан.

⁵ Проведенная Алексеем I реформа титулов высшей знати коснулась и существовавших ранее; так, термин «севаст» получил «более широкое значение» (ЧЕШОКОВА 2004, с. 192–193).

⁶ Важная роль аланских воинов в византийской армии отмечена во многих источниках. Так, Иоанн Кинам пишет о том, что император Мануил I Комнин в 1154 г. послал войско в Италию против норманского короля Сицилии Вильгельма, стремясь вернуть хотя бы часть прежних владений. По приказу императора флот переправил в Италию массагетских (аланских) и германских всадников. «Массагетами предводительствовал Иоаннакий, которого они называли Критоплом». Два года спустя «два испытанных воина, опытных в воинском деле, некий Иоаннакий Критопл и Перам, перс, вместе с иверами и массагетами были посланы завязать перестрелку; и едва они схватились с врагом... как перебили многих в арьергарде, угнали множество вьючных лошадей и возвратились... захватив вражеское знамя» (АЛЕМАНЬ 2003, с. 294–295).

В другом случае, при подготовке к осаде замка Боск, Стратиг Иоанн Дука с небольшой группой сопровождавших его воинов были атакованы группой противников. «Дело переросло уже в рукопашную схватку, но ромеи, дружно обороняясь, отразили врага своею доблестью. В этом бою среди многих ромеев отличились двое массагетов» (*там же*, с. 295).

⁷ Еще одно свидетельство о психологической основе поведения воинов в бою. Формула «рычал словно лев» ясно указывает на это.

⁸ Л. Гумилев в рамках своей теории утверждал: в период нашествия татаро-монголов аланы, будучи «народом многочисленным, но очень старым», переживали фазу обскурации. Некогда могущественные, «аланы утеряли пассионарность предков настолько, что не могли удержать бывшую у них культуру и государственность». «Аланы *не имели никакой государственной организации* (курсив мой – Ф.Г.) и потому не были способны к сопротивлению» (ГУМИЛЕВ 2002, с. 466). Правда, в разделе о противоречиях в державе чингизидов автор отметил: Гуюк стал «ханом, вождем 130 тыс. воинов» (тогда как у Батя и его братьев было всего 4 тыс. всадников) и другом православия и врагом папизма. «Он *пригласил к себе священников* из Шама (Сирии), Рума (Византии), *Осов (Осетии)* [курсив мой – Ф.Г.] и Руси» (*там же* с. 495).

Говоря о «раннефеодальной государственности у алан» в предмонгольский период, следует учитывать различное толкование термина «феодализм». Так, Л. В. Мининкова обратила внимание на позицию В. Т. Пашуто, исследования которого «в определенной степени» были «близкими к современному пониманию средневековья и методологии изучения этого общества» (МИНИНКОВА 2005, с. 12). Однако это не совсем так. Поправки В.Т. Пашуто предлагались в рамках 5-членной схемы ОЭФ (общественно-экономи-

ческих формаций), на что Л. В. Мининкова указала в той же статье. К заслугам ученого отнесена попытка «уяснить *сущность феодализма*... не только как *способ производства*, но и как *формацию* (курсив мой – Ф.Г.), в которой экономические и социальные отношения находились в единстве с политическим строем...». К общим с западноевропейским феодализмом чертам В. Т. Пашуто относил «свободный выбор боярами-вассалами князя-сюзерена». С другой стороны, отношения между нобилитетом «земель эстов и ливов» и феодалами Западной Руси имели явную специфику. «Этот нобилитет не представлял собой феодальную общественную структуру, но находился на вассальной службе русских князей» (*там же*, с. 14).

К принципиальным отличиям от понимания феодализма в советской науке следует отнести создание В. Т. Пашуто условий для трактовки «русского сюзеренитета-вассалитета... не только в рамках разных концепций феодализма, но и вне этих рамок. Тем самым создавалась возможность для рассмотрения этих отношений как универсальных, во всяком случае, для раннего средневековья, в которых не обязательно сформировался феодализм» (*там же*).

Совсем недавно Н. Ф. Котляр на примере Галицко-Волынской Руси рассмотрел становление феодализма на Руси. Спецификой данного процесса на указанной территории являлась «его замедленность в сравнении с остальными южнорусскими землями». В числе «факторов наступления удельной [феодальной] раздробленности на Руси в 40-50-е годы XII в. было возникновение индивидуального крупного землевладения, прежде всего. Владение землей и феодально-зависимыми людьми сделало бояр экономически и политически сильными» (КОТЛЯР 2006, с. 245). Киевский летописец XII в. позволяет определить статус боярства в Галицком княжестве «и сложившиеся там (пусть еще в самых общих чертах) отношения сюзеренитета-вассалитета» (*там же*, с. 246).

Автор опровергает точку зрения большинства советских историков о главном источнике формирования крупного землевладения – пожаловании вотчины государем. Однако для древнерусского общества этот источник едва ли мог быть основным. В письменных памятниках той эпохи он практически не прослеживается, как не отмечен в летописях и другой путь, называемый советскими исследователями захватом феодалами общинных земель (*там же* с. 246). На наш взгляд, правы те историки, которые считают, что не экспроприация (захват земель крестьян и общины), а апроприация (подчинение непосредственных производителей вместе с землей) составляет один из главных путей к укреплению феодальных отношений. Земля без людей не представляла сколько-нибудь значимый интерес для представителей элиты. С этой точки зрения мы не можем полностью согласиться и с другим мнением: Н. Ф. Котляр вслед за Б. А. Рыбаковым вотчину относит к первичной ячейке феодального общества. Но спорным представляется предложение истоки вотчины искать «во владениях племенной знати» (*там же* с. 246–247).

Нам представляются справедливыми слова Е. В. Гутновой о том, что «в средневековом обществе экономические и социальные отношения неотделимы от его политической организации: феодальная земельная собственность всегда связана с теми или иными

формами политической власти, которая служит гарантией внеэкономического принуждения по отношению к крестьянству и иерархической структуры класса феодалов» (ГУТНОВА 1989, с. 248–249). Обратим внимание и на другую мысль ученой: в феодальном обществе «определяющая роль социально-экономических отношений проявляется, как подчеркивал еще Ф. Энгельс, только *‘в конечном счете’*» (там же с. 248).

И, наконец, еще одна важная мысль: «Применительно к раннему средневековью теперь никто не сомневается в *значительной роли государства в становлении феодализма*» (там же, с. 251).

Автор данной работы уже высказывал свою позицию о факторах и механизмах исторического процесса, альтернативных формах социальной эволюции и генезиса феодализма (см., например: ГУТНОВ 2007, с. 8–37).

⁹ По мнению В. Ф. Миллера (1887, с. 96), данный антропоним не иранского происхождения. А. Алемань допускает возможность первую часть (*рос*) имени царя алан – *Росмик* – связать с начальным элементом названия племени *роксалан* (АЛЕМАНЬ 2003, с. 320).

¹⁰ Обратим внимание на реформу титулов в Византии первых вв. II-го тысячелетия. Принадлежность к элите определялась степенью близости к царствующей семье, а не служебным положением. По мнению Н. П. Чесноковой, «социальная градация византийской знати обуславливалась теперь либо вхождением в состав элиты, либо непричастностью к ней». В пользу данной версии, полагает исследовательница, говорит замечание А. П. Каждана «о монополизации всего военно-административного управления правящей династией. Разделение представителей византийской знати на гражданскую и военную оставалось в социальной стратификации только функциональным» (ЧЕСНОКОВА 2004, с. 192).

В управлении государством Комнины опирались «на собственные экономические ресурсы, семейные связи и идейные ценности рода...», одной из которых являлась привязанность к родовому гнезду – крепости Кастамон в Пафлагонии. Кастамон, «город своего деда», Алексей I посещал неоднократно. За родовое гнездо «отчаянно сражался его сын Иоанн II. После отвоевания города у турок император Иоанн устроил в Константинополе грандиозный триумф, поразивший современников» (там же).

Главным инструментом укрепления власти Алексея I стала реформа титулов высшей знати. Она заключалась в введении нового титула *севастократора*, ставшего вторым после императорского. Новый титул «предназначался для ближайших родственников монарха с правом ношения драгоценного венца». Для родственников же были, по словам Анны Комниной, «придуманы» и другие титулы, а некоторым из существовавших ранее Алексей I придал более широкое значение. Реформа вывела *правящую семью* даже из состава рода Комнинов. «Привив» принцип корпоративности части аристократии, реформа других ее членов оставила за пределами привилегированного круга. «При Комнинах самые высокие государственные посты уже не открывали пути в среду элиты». Не вдаваясь в детали реформы, отметим лишь, что институт соправительства при-

водил на трон не только родственников, но и совершенно посторонних людей. «Вдова Никифора III Вотаниата (1078–1081), Мария Аланская, усыновила основателя династии Комнинов Алексея I при условии, что тот сохранит права на престол ее малолетнему сыну Константину». Однако другой соправитель, Андроник Комнин, устранив Алексея II, несколько раз менял решение о собственном преемнике. «По всей вероятности, с XI в. права наследника престола в большей мере определялись фактом рождения ‘в порфире’, нежели публичным признанием его в качестве соправителя» (*там же* с. 193).

¹¹ Брак грузинской царицы с русским князем Георгием Боголюбским вскоре распался. Георгий, поддержанный несколькими крупными представителями знати, «в том числе *министром двора*» – Варданом Дадияни, совершил неудачную попытку захватить власть. Собрав представителей ряда грузинских социумов и «присоединив силы санигов и кашагов, заставил вельмож и все воинство страны присягнуть за возведение русского (князя) на престол и за признание его царем» (АМИЧБА 1988, с. 90–91).

¹² Недавно В. Петрухин обратился к свидетельствам древнерусских летописей о *ясах* (аланах). Наиболее раннее, по его мнению, упоминание датируется 965 г. и связано с походом князя Святослава на хазар. В ходе этой военной экспедиции князь завоевал часть территории донских алан. Рассматривая влияние ираноязычных алан на духовную культуру Древней Руси, В. Петрухин обращается к эпизоду из религиозных реформ Владимира. Первоначально, как известно, Владимир модернизировал языческий пантеон, собрав в Киеве идолов шести божков. Первым среди них был Перун, ставший патроном княжеской дружины. Помимо Перуна, в пантеон вошли Хорс, Дажьбог, Стрибог, Семаргел и Мокош. Имена двух из них имели иранское происхождение. *Дажьбог* сопоставим с персидским *xursid* «сияющее солнце». *Семаргел* – родственное перс. *Simurg/Senmurv* – божество в виде крылатой собаки (ПЕТРУХИН 2007. Р. 39–41; см. также: ПЕТРУХИН, РАВВСКИЙ 1998, с. 301, сл.).

¹³ В летописи неоднократно упоминаются «свояченицы» Всеволода Большое Гнездо. Причем «одна из них, жена князя Ярослава Владимировича, скончалась в 1201 г. и была погребена в церкви святой Богородицы в ‘монастыре сестрине’». В Ипатьевской летописи происхождение этой сестры (Елены) названо недвусмысленно: она названа «ясыней» (ЛИТВИНА, УСПЕНСКИЙ 2006, с. 237, 240).

¹⁴ В X в., после принятия аланами христианства, возник спрос на предметы христианского культа. В X–XI вв. они ввозились почти исключительно из Византии. После того как «на Руси был налажен широкий выпуск изящных предметов мелкой христианской пластики», они стали «одним из объектов торговых операций купцов Руси и Алании (Рудницкий 2001, с. 116).

¹⁵ Значимость генеалогии была актуальной во всех средневековых (и не только) обществах. В ситуации, когда от происхождения человека зависело его положение и правовой статус, родословная приобретала огромную роль. Например, у арабов генеалогия достаточно рано стала одним из основных факторов, определявших социальный статус того или иного лица. О степени актуальности родословных свидетельствуют

сборники родословных. Ибн Хазм (994–1064), один из крупнейших ученых мусульманской Испании, создал, по оценке Д. Е. Мишина, «ценнейший генеалогический источник» – «Собрание родословных арабов». Необходимость знания своих предков арабский ученый мотивировал несколькими аргументами. Во-первых, такая установка дана в Коране, ибо Аллах «сделал знание людьми своих родословных долгом перед Собой». Аналогичная установка отмечена и в *хадисах* (преданиях о жизни, деяниях и наставлениях пророка ислама Мухаммада). Во-вторых, знание родословных позволяет ориентироваться в генеалогических таблицах пророка и халифов. Власть последних «может принадлежать только потомкам Фихра Ибн Малика Ибн ан-Надра Ибн Кинаны... мусульманину необходимо знать родословные потомков и сподвижников Мухаммада, чтобы знать, кому следует отдавать *хумс*» (буквально – «одна пятая» – доля военной добычи мусульман, первоначально предназначенная для Мухаммада). В-третьих, знание родословных было необходимым для установления правового статуса представителей различных племен и народов. В-четвертых, родословные позволяли избегать кровосмешения. И, в-пятых, генеалогии помогали разрешению наследственных дел (Мишин 2004, с. 144–145).

О значимости родословных можно судить, например, на материалах Армении раннего средневековья. Устная и письменная традиции уравнивали *нахараров* Мамиконянов «с царским домом Ирана,... и с армянской правящей династией». Фавстос Бузанд в уста царя Папа вложил фразу: спарапет Мушег Мамиконян – «человек, который *происхождением так же благороден, как мы, и его предки так же благородны, как наши предки*; его предки *оставили царство* ченов и приехали к нам...(курсив мой – Ф.Г.)» (АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН 2003, с. 9).

Мамиконяны предстают как владельцы обширных областей, наследственные *спарапеты* («главнокомандующие») армянским войском, «наставники и регенты царевичей, ‘делатели царей’ и правители страны после падения династии Аршакидов», лидеры в борьбе за независимость Армении с внешними врагами (Ираном, а позднее – арабами). В сказаниях «Бузандарана» Мамиконяны предстают как отважные рыцари. «Они убивают своих врагов только в открытом бою... побеждают благодаря воинскому умению, опыту, а также личному мужеству, *предпочитают умереть в бою, чем в постели*, а свои заслуги видят в количестве проведенных им сражений и полученных ранах; ... *их род связан кровными узами с родом Григория Просветителя*» (курсив мой – Ф.Г.). По оценке Фавстоса Бузанда, спарапет Мануэл Мамиконян – военный аристократ, облаченный в «железные крепкоскованные неувязимые доспехи, (облекающие его) с ног до головы»; его сильный конь также облачен в «несокрушимые конские доспехи» (*там же*, с. 12, 17).

¹⁶ Историческое познание удовлетворяет устойчивые социальные потребности. Различные классы одобряют и порицают различные нормы и эталоны. Соответственно, в исторических сочинениях и устных рассказах преобладают то одни, то другие краски.

¹⁷ В «Очерке сословного строя горских обществ», составленном чиновниками сословного комитета в 60-х гг. XIX в., приводится «аристократическая» редакция предания. В ней утверждалось, будто Царгас и «ближайшие по времени потомки его имели

гораздо большее значение, нежели современные баделята» (ЦГА РСО-Алания, ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 111).

¹⁸ В одном только Змейском катакомбном могильнике в ходе полевых работ в 1981–2005 гг. исследовано более 400 погребальных комплексов, в том числе 269 катакомб X–XIII вв. и синхронных с ними 41 конского погребения (FIDAROV 2007. P. 14–15). Как показал анализ С. Савенко, в отдельных случаях можно говорить о подтверждении археологическими материалами свидетельств античных и раннесредневековых авторов об особом статусе всадников-дружинников (SAVENKO 2007. P. 49–50).

¹⁹ Интересную гипотезу высказала Т. Джаксон, поставив вопрос о возможной связи некоторых персонажей норвежских саг со скифами (JACKSON 2007. P. 19–20).

БИБЛИОГРАФИЯ

ЦГА РСО-Алания, ф. 262. Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей.

АБАЕВ В. И. 1949. ОЯФ. I. М.-Л.

АБАЕВ В. И. 1958. 1973. ИЭСОЯ. Т. I, II.

АБАЕВ В. И. 1968. Осетинский социальный термин Алдар // Изв. СОНИИИ, 1968. Т. XXVII.

Алано-Георгика 1993. № 1, 2. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах / Сост., введ. и комм. Ю. С. Гаглойти // Дарьял.

АЛЕКСЕЕВА Е. П. 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.

АЛЕМАНЬ А. 2003. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.

АМИЧБА Г.А. 1988. Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Тбилиси.

АННА КОМНИНА 1965. Алексиада / Вступ. статья, пер. и комм. Я.Н. Любарского. М.

АРМАРЧУК Е. А. 2004. Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья XI–XIII вв. // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М.

АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН В.А. 2003. Родовое предание и ранняя историография: «вторичный» эпос // ДГВЕ. 2001 год. М.

АФАНАСЬЕВ В. Г., РУНИЧ А. П. 2001. Мокрая Балка. Вып. I. М.

АФАНАСЬЕВ Г. Е., САВЕНКО С. Н., КОРОБОВ Д. С. 2004. Древности Кисловодской котловины. М.

БАРАТОВ С. 1871. История средних веков. Тетрадь II–III. СПб.

БАРТОЛЬД В. В. 1973. Соч. Т. VIII. М.

БИБИКОВ М. В. 1982. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // ДГТ СССР. 1980. М.

- БИБИКОВ М. В. 1999. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб.
- БИБИКОВ М. В. 2005. Византийская «народноязычная» традиция о Руси// XVII чтения памяти В. Т. Пашуто. Ч. I. М.
- ВАНЕЕВ З. Н. 1989. Избранные работы. Т. I, II. Цхинвали.
- ВИКИНГИ 1996. Викинги: Набеги с севера / Пер. с англ. Л. Флорентьева. М.
- ГАДЛО А. В. 1986. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // Вестник ЛГУ. № 1.
- ГЛАЗЫРИНА Г. В. 1996. Исландские викингские саги о Северной Руси. М.
- ГЛАЗЫРИНА Г. В. 2004. О генеалогии исландца Торвальда, странствовавшего на Русь в X веке // ДГВЕ. 2002 год. М.
- ГУМИЛЕВ Л. 2002. Древняя Русь и Великая степь. М.
- ГУРЕВИЧ А. Я. 1970. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.
- ГУТНОВ Ф. Х. 1989. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе.
- ГУТНОВ Ф. Х. 1993. Средневековая Осетия. Владикавказ.
- ГУТНОВ Ф. Х. 1994. Дургулель Великий // Эхо Кавказа. № 2.
- ГУТНОВ Ф. Х. 1995. Господский двор и вотчина у алан // Аланы: история и культура. Владикавказ.
- ГУТНОВ Ф. Х. 2001. Воин-купец в истории Юго-Восточной Европы // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. Ставрополь.
- ГУТНОВ Ф. Х. 2004. Факторы социальной эволюции средневековых обществ Северного Кавказа // Кавказский сборник. Т. 1 (33). М.
- ГУТНОВ Ф. Х. 2005. Социальная структура гуннов и алан в эпоху Великого переселения народов // Кавказский сборник. Т. 2 (34). М.
- ГУТНОВА Е. В. 1989. Государство в структуре и эволюции феодального общества // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 2. М.
- ДЖАНАШВИЛИ М. 1897. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. XXII.
- ВАНЕТИ З. 1935. Общество нартов // Изв. ЮОНИИК. Вып. II.
- ДЮМЕЗИЛЬ Ж. 1976. Осетинский эпос и мифология. М.
- ЗАЙЦЕВ И. В. 2003. Ислам и христианство в Нижнем Поволжье в XV–XVII вв. // Сборник Русского исторического общества. № 7. М.
- ИНАЛ-ИПА Ш. Д. 1965. Абхазы: историко-этнографические очерки. Сухуми.
- ИНАЛ-ИПА Ш. Д. 1976. Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми.
- КАЛИНИНА Т. М. 2003. Волга в географической номенклатуре арабо-персидских ученых IX–X вв. // Сборник Русского исторического общества. № 7. М.
- КАЛИНИНА Т. М. 2004. Генеалогии восточноевропейских народов в историческом сознании средневековых арабских писателей // ДГВЕ. 2002 год. М.

- КАЛИНИНА Т. М. 2005. Бурджан, ас-сакалиба, ал-абар // XVII чтения памяти В. Т. Пашуто. Ч. I. М.
- КАЛОЕВ Б. А. 1981. Земледелие народов Северного Кавказа. М.
- КАМБОЛОВ Т. Т. 2006. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ.
- КОВАЛЕВСКИЙ А. П. 1956. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков.
- КОНОВАЛОВА И. Г. 2003. Черное море в описании Абу-л-Фиды // Сборник Русского исторического общества. № 7. М.
- КОНОВАЛОВА И. Г. 2004. Физическая география Восточной Европы в географическом сочинении Ибн Са'ида // ДГВЕ. 2002 год. М.
- КОРОТАЕВ А. В. 2003. Возникновение ислама: политико-антропологический аспект // Сборник Русского исторического общества. № 7. М.
- КОТЛЯР Н. Ф. 2000. Мстислав Тмутороканский и Ярослав Мудрый // ДГВЕ. 1998. М.
- КОТЛЯР Н. Ф. 2006. Князь, бояре и вече в Галицко-Волынской Руси // ДГВЕ. 2004. М.
- КУЗНЕЦОВ В. А. 1971. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе.
- КУЗНЕЦОВ В. А. 1985. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе.
- КУЗНЕЦОВ В. А. 1988. Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- КУЛАКОВСКИЙ Ю. 1898. Христианство у алан // ВВ. № 1.
- КУЛАКОВСКИЙ Ю. А. 2000. Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Сост., вступ. статья, комм. и карта С.М. Перевалова. СПб.
- ЛАВРОВ Л. И. 1980. Топонимические заметки // КЭС. Т. VII. М.
- ЛИТВИНА А. Ф., УСПЕНСКИЙ Ф.Б. 2006. Кем была «Мария Всеволжская»? // ДГВЕ. 2004 год. М.
- МАЛАХОВ С. Н. 1995. Алано-византийские заметки // Аланы: история и культура. Владикавказ.
- МАЛАХОВ С. Н. 2003. Из алано-тюркского ономастикона // VI «Минаевские чтения». Ставрополь.
- МАРКАРЯН С. А. 2004. Армянский историк XIII в. Степанос Орбелян о варягах-викингах Ингвара // Восток. № 6.
- МАСЛОВ Е. А. 2005. К вопросу о функциях монетных находок эпохи раннего средневековья в системе погребальной обрядности // VII «Минаевские чтения». Ставрополь.
- МИЛЛЕР В. Ф. 1881, 1882, 1887. Осетинские этюды. Т. I, II, III. М.
- МИНИНKOBA Л. В. 2005. В.Т. Пашуто – историк русского вассалитета // Восточная Европа в древности и средневековье. Ч. I. М.
- МИШИН Д. Е. 2004. Некоторые соображения относительно «Собрания родословных арабов» Ибн Хазма // ДГВЕ. 2002 год. М.

МОШИНСКИЙ А. П., БОЛАШОВ А. Ю. 2004. Аланские катакомбы X–XI веков на могильнике «Кари цагат» // // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М.

НИКИФОР ВРИЕННИЙ 1858. Исторические записки. СПб.

ПСЕЛЛ МИХАИЛ. 1978. Хронография / Пер., статья и примеч. Я.Н. Любарского. М.

ПЕРЕРВА Е. В. 2004. Палеопатология населения хазарского времени Северного Кавказа // МИАСК. Вып. 4. Армавир.

ПЛАНО КАРПИНИ. 1997. Плано Карпини. История монголов / 3-е изд. Г. де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / 3-е изд. Книга Марко Поло / 4-е изд. М.

Предание о Царгасе, Азнауре и Хамьще // Изв. СОНИИ. Т. XV. Вып. 3.

ПФАФ В. Б. 1870, 1871. Материалы для истории Осетии // ССКГ. Вып. IV, V.

ПЕТРУХИН В. Я., РАЕВСКИЙ Д.С. 1998. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.

РУДНИЦКИЙ Р. Р. 2001. Два древнерусских креста-складня с Развальского городища // V «Минаевские чтения». Ставрополь.

САВЕНКО С. Н. 1989. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X–XII вв. Автореф. канд. дис. М.

САХАРОВ А. М. 1979. Феодалная собственность на землю в Российском государстве // Проблемы развития феодалной земельной собственности на землю. М.

СЕДЫХ В. И. 2004. Клады эпохи Рюрика: свидетельства активной международной торговли или сильных общественных потрясений? // Восточная Европа в древности и средневековье. (XVI «Пашутинские чтения»). М.

СКИТСКИЙ Б. В. 1949. Хрестоматия по истории Осетии. Ч. I. Дзауджикау.

ТМЕНОВ В. Х., ЦУЦИЕВ А. А. 2003. Некоторые дополнительные данные об алано-грузинских связях в XIII–XIV вв. // VI «Минаевские чтения». Ставрополь.

ТОГОШВИЛИ Г. Д. 1988. К вопросу о характере грузино-северокавказских взаимоотношений в XI–XIII вв. // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси.

ЦУЛАЯ Г. В. 1980. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // КЭС. Т. VII. М.

ЦУЛАЯ Г. В. 1984. Отрок Шарукан Атрака Шараганис-дзе // КЭС. Т. VIII.

ЦУЛАЯ Г. В. 1996. Из истории грузинской историографии: «Мученичество Давида и Константина» // ЭО. № 1.

ЧЕСНОКОВА Н. П. 2004. Византийская династическая идея эпохи Комнинов и Ангелов (конец XI – начало XIII в.) // ДГВЕ. 2002 год. М.

ЧЕЧЕНОВ И. М. 1987. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып. 3. Нальчик.

ЧИЧИНАДЗЕ З. 1993. История Осетии по грузинским источникам. 2-е изд. Цхинвал.

ALEMANY A. 2002. The 'Alanic' Title Bayatar // Nartamonga. Vol. I. № 1.

FIDAROV R. 2007. Horse Burials in the Zmeysky Catacomb Burial Place // Scythians,

Sarmatians, Alans. Barcelona.

JACKSON T. 2007. An Echo of Ancient Scythian in Old Norse Sources? // Scythians, Sarmatians, Alans. Barcelona.

KAMBOLOV T.T. 2007. Some New Observations on the Zelenchuk Inscription and Tzetzes Alanic Phrases // Scythians, Sarmatians, Alans. Barcelona.

MIKABERIDSE A. 1996. Maria-Martha Bagrationi zwischen Bysans und Georgien // The Caucasus in the context of World History. Tbilisi.

PETRUKHIN V. 2007. The Alans in the Russian Primary Chronicle and in Russian History // Scythians, Sarmatians, Alans. Barcelona.

SAVENKO S. 2007. Alan Horsemen in Written Sources and Archaeological Data: Problems of Comparative Analysis // Scythians, Sarmatians, Alans. Barcelona.

ZGUSTA L. 1987. The Old Ossetic Inscription from the River Zelenčuk. Wien.

F. Kh. GUTNOV

FEODAL SOCIETIES OF NORTHERN CAUCASUS DURING THE PRE-MONGOL PERIOD

SUMMARY

In this article stages of feudalism in North Caucasus are marked out. The first one covers early Middle Ages and finishes in IX–X centuries when in Alania and Khazar caganate the early class society has formed. In the second half of XI–XII centuries these countries saw the formation of feudal exploitation system proper.

The next stage of “mountaineer feudalism” development took place in XII–XV centuries. It was at that time that the major differences of social system of “aristocratic” and “democratic” tribes fomed. In the two above mentioned groups the development of landowner ship and serfdom of immediate producers forms took place.

By late Middle Ages ancestral lands in “aristocratic” societies absorbed almost the whole community and almost all peasants were in serfdom to a certain extent. Genesis of feudalism was still going on in part of “democratic” tribes. Probably some “free” societies were still on the stage of early class relations (according to Y. V. Pavlenko typology). Hence are the differences in the most important social criteria: forms of landowner ship, ancestral lands organization, character of peasants exploitation and types of non-economic compulsion, peculiarities of class structures and class struggle.